

Натурализация культуры: КОГНИТИВИЗМ ПРОТИВ ПРАГМАТИЗМА

Дмитрий Шариков

Аспирант департамента социологии, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: ddsharikov@hse.ru

В данной статье рассматриваются интегративные концепции культуры, разрабатываемые на стыке когнитивных и социальных наук. Утверждается, что программа «культурной нейронауки», занимающая доминирующие позиции в когнитивистских исследованиях культуры, исходит из ошибочных теоретических предположений о природе культурных феноменов. Для сравнительного анализа предлагаются две альтернативные теоретико-методологические стратегии, способные продуктивно интегрировать ресурсы когнитивных и социальных наук. Первая опирается на постулаты традиционного «вычислительного» подхода к познанию в философии сознания и когнитивных науках. Согласно этой стратегии, культуру необходимо рассматривать как процессы распространения и трансформации информации — ментальных и публичных репрезентаций. Вторая стратегия опирается на конкурирующую теоретико-методологическую традицию в философии сознания и когнитивных науках — так называемые E-подходы, или неопрагматистские подходы. Она исходит из того, что культура состоит прежде всего из конкретных взаимодействий индивидов в общей материальной среде. Автор считает, что первая, «когнитивистская» стратегия сталкивается с рядом логических и содержательных проблем. В частности, утверждается, что концепции информации и содержания ментальных состояний (*mental content*), на которые опирается данный подход, обладают неоднозначным научным статусом. При этом, по мнению автора, вторая, «неопрагматистская» стратегия лишена упомянутых трудностей, хотя и является менее зрелой и концептуально проработанной. В заключении автор рассматривает основные отличия двух стратегий и их связь с социологией культуры, а также формулирует аргументы за и против принятия каждой из них.

Ключевые слова: культура и познание, когнитивная социология, социология культуры, культурные практики, натурализм, прагматизм

Когнитивные нейронауки — один из самых амбициозных междисциплинарных проектов нашего времени. Некоторые авторы небезосновательно полагают, что именно когнитивная наука способна сыграть ключевую роль в наведении мостов между социальными и естественнонаучными дисциплинами (Kaidesoja et al., 2019). Хотя проблематика социальных отношений и культуры долгое время оставалась второстепенной для когнитивных исследователей, в последние десятилетия ситуация резко изменилась (Фаликман, Коул, 2014). На научную арену вышли масштабные исследовательские программы, изучающие взаимосвязи между социальной

жизнью, культурой и познанием: например, проекты «социальной нейронауки» (Adolphs, 2010) и «культурной нейронауки» (Han et al., 2013).

Приверженцы традиционных исследовательских подходов в социальных науках отнеслись к появлению таких проектов с обоснованной настороженностью (Coulter, 2008). Высказываются опасения, что когнитивистские объяснительные модели не отдают должного всей сложности и разнообразию культурных феноменов, неоправданно сводя культуру к наборам нейронных связей в головном мозге (Vidal, Ortega, 2018). Действительно, перед когнитивными учеными, занимающимися вопросами культуры, сегодня стоит непростая задача: найти адекватный язык для описания культурных феноменов, совместимый с привычным языком естественных наук, но в то же время избегающий редукционизма и упрощенчества. Необходимо прояснить, в каких отношениях находятся социокультурные и биофизические аспекты реальности, не становясь при этом на позиции наивного редуктивного физикализма.

Разумеется, не все справляются с этими задачами одинаково успешно. Показательна в этом отношении программа культурной нейронауки (Chiao, Ambady, 2007), унаследовавшая большинство базовых предположений от своей «старшей сестры» — кросс-культурной психологии (Hofstede, 2001). Для кросс-культурных подходов характерно представление о «культурах» как о гомогенных социальных группах, члены которых разделяют общие ценности, нормы, убеждения, образцы поведения и т. п. (Lehman et al., 2004: 695; Han et al., 2013: 339–340). При этом для идентификации подобных «культурных групп» при построении выборки в эмпирических исследованиях зачастую используются довольно проблематичные критерии: такие, например, как национальная или этническая принадлежность, определяемая на основе воспринимаемого внешнего сходства респондентов (цвет кожи, черты лица и т. д.)¹ (Mateo et al., 2012: 157–159). Базовая исследовательская стратегия таких подходов — это сравнение сходств и различий в реакциях на определенные стимулы у представителей разных «культурных групп» (например, сходств и различий в паттернах активации нейронов при просмотре определенного изображения) (Ibid.: 157).

Как справедливо отметили Ф. Ортега и Ф. Видаль, культура в кросс-культурных подходах фактически предстает не как отдельный объект исследования, а как некоторая независимая переменная, на которую опираются другие зависимые переменные (Vidal, Ortega, 2018: 381). По мнению авторов, кросс-культурная психология продвигает образ культуры, в котором последняя сводится к фиксированному набору «культурных идентичностей» (например, «западной» и «восточной»), различающихся по степени выраженности определенных ценностных ориентаций (например, индивидуализм — коллективизм) (Ibid.). Культурная нейронаука же окончательно биологизирует эти различия, представляя их как продукт активно-

1. Некоторые авторы высказывают опасения, что «культура», понимаемая таким образом, выступает концептуальным заменителем дискредитированного понятия «расы». См.: Heinz et al., 2014.

сти головного мозга и игнорируя комплексные социально-исторические процессы конструирования идентичностей (Ibid.: 383–385).

Ограниченная объяснительная ценность подобных концептуализаций культуры становится очевидной и при изучении эмпирических данных. Так, например, в 2011 году основатель одного из крупнейших международных проектов по кросс-культурному исследованию ценностей Ш. Шварц решил проверить, насколько вариативность ценностных ориентаций внутри стран отличается от межстрановой вариативности (Fischer, Schwartz, 2011). К своему удивлению, он обнаружил, что лишь очень незначительная доля дисперсии ценностей объясняется странными различиями: оказалось, что ценности гораздо сильнее варьируются между индивидами внутри одной страны, нежели между странами (Ibid.: 1137). Иными словами, вместо ожидаемого «ценностного консенсуса» внутри стран («культур») и межстрановой («кросс-культурной») изменчивости исследователь получил совершенно противоположную картину (Ibid.: 1140). Исходя из этих результатов, Шварц сделал вывод, что концепция «культур» как гомогенных групп индивидов, объединенных разделяемыми «системами смыслов», с высокой вероятностью базируется на ложных теоретических предположениях, которые нуждаются в корректировке (Ibid.).

Хотя парадигма культурной нейронауки, безусловно, является одним из самых влиятельных направлений исследования культуры в когнитивных науках, она однозначно не безальтернативна. На наш взгляд, существуют более продуманные и теоретически фундированные когнитивистские концепции, которые отдадут должное сложности и гетерогенности культурных феноменов, но при этом в значительной степени опираются на естественнонаучные стандарты теоретической работы (Шариков, 2019, 2020). Такие подходы разрабатываются на стыке естественнонаучных, поведенческих и социальных дисциплин и ставят своей целью продуктивную интеграцию объяснительных ресурсов — вместо избирательного «переописания» концептов одной дисциплины на языке другой. Именно такие альтернативные стратегии теоретизирования о культуре и культурных феноменах станут предметом рассмотрения и критического анализа в нашей статье.

Мы исходим из того, что любая подлинно интегративная концепция культуры, объединяющая объяснительные ресурсы когнитивных и социальных наук, должна основываться на натуралистической онтологии (Девятко, 2003: 70–72). Хотя мы и оптимистично оцениваем перспективы интегративного междисциплинарного проекта когнитивной социальной науки, задачей статьи не является доказательство превосходства когнитивно-ориентированных объяснений над традиционными моделями объяснения в социальных науках. Основная цель этого текста — познакомить читателя с новыми перспективными направлениями, пока относительно слабо представленными в русскоязычной литературе (однако см.: Куракин, 2018, 2020; Быков, Настина, 2020: 68–69), а также пригласить к дискуссии широкий круг исследователей, заинтересованных в проблемах современного культурного теоретизирования.

В данной статье мы критически анализируем и сравниваем друг с другом два широких теоретико-методологических подхода к изучению культуры и познания. Эти подходы опираются на конкурирующие философско-теоретические традиции в когнитивных науках: традиционный когнитивизм и так называемые E-подходы (также известные как неопрагматистские подходы). Ключевой вопрос, по которому наблюдаются расхождения между двумя семействами подходов, касается базовых единиц культуры: для одного из семейств таковыми являются информационные единицы (ментальные и публичные репрезентации), в то время как для другого — поведенческие единицы (привычки и практики).

В первом разделе данной статьи мы попытаемся восстановить теоретическую логику «эпидемиологического» подхода к изучению культуры, предложенного антропологом Д. Спербером, а также продемонстрируем, как эта перспектива может быть продуктивно интегрирована с некоторыми концепциями когнитивной культуросоциологии и распределенных (distributed) подходов в когнитивных науках. Мы также объясним, каким образом онтология материальных динамических систем Т. Каидесойя вместе с механистической философией науки способны предоставить унифицирующую онтологическую, эпистемологическую и методологическую рамку для интеграции различных уровней объяснения.

Во втором разделе текста мы критически проанализируем философские основания «эпидемиологической/распределенной» стратегии теоретизирования о культуре и укажем на основные трудности, с которыми сталкивается эта стратегия. В частности, обсудим проблемы натурализации семантической информации и содержания ментальных состояний, а также проблемы интенциональных объяснений действия и научного статуса понятий «народной психологии» (folk psychology).

На основании этой критики в третьем разделе мы попытаемся дать набросок альтернативной когнитивно-ориентированной натуралистической стратегии теоретизирования, которая не сталкивается с упомянутыми ранее трудностями. На наш взгляд, такая стратегия должна базироваться на постулатах так называемых E-подходов к познанию, а также философии прагматизма. Мы продемонстрируем, что взаимодействия индивидов в материальной среде, а также связанные с ними нейрокогнитивные механизмы и эвристики представляют адекватную объяснительную альтернативу информационно-ориентированным моделям эпидемиологического подхода. В заключении мы еще раз рассмотрим основные отличия двух стратегий и их связь с классическими исследовательскими программами в социологии культуры, а также попытаемся сформулировать аргументы за и против принятия каждой из них.

Натурализация культуры: когнитивистская стратегия

Первая стратегия, с рассмотрения которой мы начнем обзор, основывается на «эпидемиологической модели культуры», также известной в когнитивной антро-

пологии под именем «теории культурной аттракции (CAT)» (Scott-Phillips et al., 2018).

Основные идеи эпидемиологического подхода были изложены когнитивным антропологом Д. Спербером в серии статей и лекций в 1980-е и 1990-е годы и обобщены в его книге «Объясняя культуру: натуралистический подход» (Sperber, 1996). По мнению Спербера, эпидемиология занимается тем, что описывает и объясняет распределение некоторого признака (например, заболевания) в определенной популяции (например, группе людей) (Ibid.: 2). В случае с культурной эпидемиологией, утверждает Спербер, роль этого признака должны выполнять репрезентации (Ibid.: 24). Говоря о репрезентациях, Спербер вводит ключевое различие между ментальными репрезентациями² (например, индивидуальными убеждениями, намерениями или предпочтениями) и публичными репрезентациями (сигналами, высказываниями, текстами, изображениями и другими артефактами) (Ibid.).

Культурная динамика, таким образом, сводится к постоянной трансформации ментальных и публичных презентаций в процессе коммуникации: «отправители» переводят свои идеи (т. е. ментальные репрезентации) в слова или тексты (т. е. публичные репрезентации), а «получатели» интерпретируют полученную информацию и трансформируют публичные репрезентации в собственные ментальные репрезентации (Ibid.: 25). При этом в данных процессах речь не идет о копировании или репликации элементов: сформированные адресатами коммуникации ментальные репрезентации не являются точными копиями ни произведенных коммуникатором публичных репрезентаций, ни его оригинальных ментальных репрезентаций, хотя между ними и можно установить достаточную степень «семейного сходства» (Витгенштейн, 2018: 59–60), чтобы считать экземплярами одного и того же класса культурных элементов (Sperber, 1996: 82).

Цепочки подобных трансформаций Спербер и его последователи называют культурными когнитивными каузальными цепочками (CCCC's) (Sperber, 2011). Разумеется, масштабы этих цепочек могут различаться: одни культурные репрезентации циркулируют лишь в пределах узкой группы индивидов и в короткие временные отрезки, в то время как другие могут иметь миллионы «экземпляров» и демонстрируют высокую стабильность распределения во времени и пространстве (Sperber, 1996: 25–26). Чтобы объяснить, почему одни культурные репрезентации являются более устойчивыми и распространенными, чем другие, Спербер вводит понятия «культурной аттракции» и «культурных аттракторов»³ (Ibid.: 106–112). По мнению Спербера, определенные психологические и экологические факторы могут оказывать влияние на распространение и распределение тех или иных культурных репрезентаций (Ibid.: 111–112). Факторы, которые влияют на ча-

2. Спербер утверждает, что ментальные репрезентации обладают материальной природой и могут быть описаны в терминах паттернов нейронных связей и нейронной активности в головном мозге (Sperber, 1996: 13–14). Однако подробнее на этом вопросе он не останавливается.

3. В данном разделе приводится лишь краткое изложение этих понятий. Прочитать больше о культурной аттракции можно в работах: Sperber, 1996: Глава 5; Claidière, Sperber, 2007; Scott-Phillips et al., 2018. См. также критику многозначности этого понятия: Buskell, 2017.

стоту проявления того или иного культурного элемента в популяции, он называет факторами культурной аттракции (Ibid.).

Излюбленным примером Спербера, демонстрирующим работу эпидемиологической модели, является сказка о Красной Шапочке (Sperber, 1996: 33–34; Scott-Phillips et al., 2018: 164–165). В устной и письменной традициях существует поистине неисчислимое множество вариаций этой европейской сказки — с различными мотивами, деталями сюжета и персонажами (Orenstein, 2002). В памяти миллионов людей по всему Земному шару бытуют миллионы версий сказки, закодированных в виде ментальных репрезентаций. Человек, рассказывающий своему ребенку сказку о Красной Шапочке, трансформирует свои ментальные репрезентации этой истории, хранящиеся в памяти⁴, в публичные лингвистические репрезентации (слова). В то же время ребенок, интерпретируя и запоминая услышанное, формирует в памяти свою собственную версию истории, которая может незначительно отличаться от услышанного рассказа. Однако несмотря на возможные различия, ментальные репрезентации сказки в памяти ребенка и в памяти родителя обладают достаточной степенью сходства, чтобы их можно было назвать двумя версиями одной и той же истории.

При этом, несмотря на все богатство и разнообразие существующих вариантов, некоторые версии сказки о Красной Шапочке более популярные и распространенные, чем другие. Фактором, влияющим на популярность определенной версии этой сказки (т. е. фактором культурной аттракции), может быть, например, распространенность той или иной литературной версии истории. Очевидно, что литературные изложения сказки от Шарля Перро и братьев Гримм, печатающиеся миллионными тиражами по всему миру, оказывают более значимое влияние на распределение определенных версий этой сказки в человеческих популяциях, чем, допустим, литературное изложение Итало Кальвино в сборнике «Итальянские народные сказки». Именно поиск и описание факторов, вероятно действующих на распространение и трансформацию тех или иных культурных репрезентаций, является ключевой задачей когнитивных антропологов, работающих в эпидемиологической традиции (Scott-Phillips et al., 2018).

Кроме когнитивной антропологии эпидемиологическая модель культуры вдохновила ряд теоретических и эмпирических программ в когнитивной культурсоциологии: например, предложенный Дж. Фостером подход к компьютерному моделированию культуры (Foster, 2018). Однако наиболее заметное влияние эта модель оказала на предложенное О. Лизардо аналитическое разделение публичной и личностной, а также декларативной и недеklarативной форм культуры (Lizardo, 2017: 93–97; см. также: Шариков, 2019: 190–193). На первый взгляд различие «публичная — личностная культура» является калькой с ключевого для культурно-эпидемиологического подхода различения ментальных и публичных репрезентаций: в частности, Лизардо относит к публичной культуре нарративы, публичные сим-

4. При условии, что родитель пересказывает сказку именно по памяти, а не читает вслух одну из многочисленных литературных версий.

волы, тексты, институты (всё это фигурирует как примеры публичных репрезентаций в работах Спербера), а к личностной — ценности, убеждения, ориентации (т. е. обладающие содержанием ментальные состояния) (Lizardo, 2017: 93–94). Однако разделение личностной культуры на декларативные и недеklarативные формы позволяет существенно расширить исходную классификацию, добавив к дескриптивным формам культурного знания, выраженным преимущественно в виде пропозициональных установок, также неявные и телесные (Ignatow, 2007; Lizardo, 2015).

В то время как декларативные формы личностной культуры, как уже упоминалось выше, преимущественно состоят из ментальных репрезентаций с пропозициональным содержанием, т. е. убеждений, ценностей, мировоззрений и т. п., недеklarативные формы также включают в себя телесное (*embodied*) и процедурное знание — в частности, навыки, техники, умения и др. (Lizardo, 2017: 93–95). Последние выражены не в форме амодальных ментальных репрезентаций, абстрагированных от чувственного опыта, а в форме сенсорных и (сенсо)моторных репрезентаций, тесно связанных с перцептивными, телесными и эмоциональными состояниями индивидов (Barsalou, 1999; Ignatow, 2007). Хотя на первый взгляд это дополнение и может показаться незначительным, на деле оно открывает дорогу к трансформации открыто монистической концепции культуры Спербера в более плюралистическую (Lizardo, 2020a): признается, что культура может состоять не только из символических элементов (ментальных или публичных), но и из имплицитных телесных рутин, процедурных диспозиций и воплощенных способов (взаимо)действия (Soliman, Glenberg, 2014).

Приверженность репрезентации как центральному объяснительному понятию в эпидемиологической модели культуры делает возможной ее интеграцию с перспективой «распределенного познания» (*distributed cognition*) (Hutchins, 1995; см. также: Шариков, 2020: 116–118; Norton, 2020) и с базирующейся на ней социальной онтологией «натурализованного критического реализма» Т. Каидесоя (Kaidesoja, 2013; см. также: Шариков, 2020: 114–118). Согласно концепции распределенного познания, локусом когнитивных процессов являются не индивиды с их телами и популяциями нейронов в головном мозге, а распределенные когнитивные системы, состоящие как из индивидуальных агентов, так и из социокультурных артефактов и иных гетерогенных элементов (Hutchins, 1995). Основной происходящий в таких системах процесс — распространение и трансформация репрезентаций (*representational states*) (Hutchins, 1995: 373; Norton, 2020: 54). Опираясь на эти идеи, Каидесоя предлагает рассматривать культуру в терминах «телесных и ситуативных практик, включающих распространение и обработку репрезентаций различных типов в распределенных когнитивных системах» (Kaidesoja, 2013: 170). В социальной онтологии Каидесоя распределенные когнитивные системы являются динамическими материальными системами (Bunge, 2003), которые обладают эмерджентными каузальными силами, возникающими благодаря взаимодействию частей системы друг с другом (Kaidesoja, 2013: 151–153). Процессы, благодаря которым

системы могут функционировать и обладать каузальными силами, Каидесойя, вслед за М. Бунге, предлагает анализировать в терминах механистической философии науки (Ibid.: 146–150).

Особенно важным в этом свете представляется тот факт, что Спербер также является приверженцем механистической онтологии: основной задачей объяснения в социальных науках он считает «выявление устойчивых каузальных паттернов и каузальных механизмов, производящих закономерности в когнитивных каузальных цепочках» (Sperber, 2011: 75). Именно фокус на механизмах и механистических объяснениях — как альтернативе дедуктивно-номологическим объяснениям (Hempel, 1965) — позволяет интегрировать культурную эпидемиологию и «распределенную» концепцию культуры — а в конечном счете и когнитивные науки с социальными — на базе общей онтологической, эпистемологической и методологической рамки (Sarkia et al., 2020).

Взгляд на культуру как на каузальные цепочки распространения и трансформации репрезентаций в распределенных когнитивных системах позволяет дать достаточно правдоподобное натуралистическое описание культурных феноменов, учитывающее их комплексность и гетерогенный характер. Однако этот подход, к сожалению, не лишен значительных трудностей, о которых мы подробно поговорим в следующем разделе.

Ограничения когнитивистской стратегии: информация и интенциональность

Представленная в предыдущем разделе стратегия натурализации культуры целиком основывается на базовых теоретических предпосылках традиционного «вычислительного» подхода к познанию в когнитивных нейронауках. Этот подход предполагает, что человеческое познание сводится к «обработке информации в системе физических символов» (Newell, 1980) или «вычислительным действиям с репрезентациями» (Fodor, 1975). Сознание в этом подходе уподобляется компьютеру — вычислительной машине, способной производить операции с символами в соответствии с некоторыми правилами (Turner, 2018: 55–56). Кроме того, утверждается, что репрезентации являются лингвистическими или квазилингвистическими по форме и обладают семантическими свойствами — то есть отсылают к объектам и положениям вещей во внешнем мире (референция) и имеют условия истинности или достоверности (Hutto, Myin, 2013: 67; Turner, 2018: 98–99). Наконец, хотя отдельные авторы и считают ментальные репрезентации «полезными фикциями», большинство когнитивистов, работающих в рамках традиционного подхода, настаивают на их реальности и каузальной значимости, а также на принципиальной возможности установить соответствие репрезентаций состояниям мозга (паттернам нейронных связей и нейронной активности).

Таким образом, как справедливо отметил Д. Куракин, культура и культурные феномены в подходах, вдохновленных традиционным когнитивизмом, фактиче-

ски сводятся к процессам передачи информации между когнитивными агентами, которые описываются кибернетическими моделями коммуникации (Kurakin, 2020: 74–80). И именно здесь возникает первая серьезная проблема с представленным эпидемиологическим подходом: натуралистский статус существующих теорий информации и содержания ментальных состояний является предметом ожесточенных споров в философии сознания и философии психологии (Hutto, Myin, 2018; Hutto, Satne, 2015). Представители наиболее радикальных позиций в философии сознания настаивают на принципиальной невозможности натурализации содержания ментальных состояний: так, например, А. Розенберг полагает, что ни одна подлинно натуралистская теория не способна объяснить, как «сгустки материи (цепочки связанных нейронов) могут представлять (represent) факты о других сгустках материи (внешнем мире)» (Rosenberg, 2014: 25). Представители более умеренных позиций, в свою очередь, не отрицают саму возможность натурализации информации и содержания ментальных состояний, однако считают, что существующие теории плохо справляются с этой задачей (Hutto, Myin, 2013, 2017).

Философы-энактивисты Д. Хатто и Э. Мийин настаивают на том, что единственной заслуживающей доверия натуралистской концепцией информации является «информация-как-ковариация» (Hutto, Myin, 2013: 66). Согласно этой концепции, определенное положение вещей в мире несет информацию о другом положении вещей, если первое находится с последним в отношениях законоподобной ковариации: так, например, количество колец на спице дерева сообщает нам информацию о его возрасте, а уровень ртутного столбика в домашнем градуснике указывает на температуру тела (Ibid.). Тем не менее понятия «информации-как-ковариации» оказывается недостаточно, чтобы объяснить содержание ментальных состояний: у такой информации отсутствуют семантические свойства, которыми с необходимостью должны обладать ментальные репрезентации, а именно — условия истинности и референция (Ibid.: 67). Для того чтобы стандартная модель коммуникации, базирующаяся на представлениях о «кодировании» и «декодировании» сообщений, работала, необходимо выйти за пределы концепции «информации-как-ковариации» и постулировать существование семантической информации, или «информации-как-содержания» (Ibid.). Однако многочисленные попытки философов и теоретиков построить такую концепцию, по мнению Хатто и Мийина, уже долгие годы не приводят к позитивным результатам (Hutto, Myin, 2018: 106). На наш взгляд, отсутствие правдоподобной натуралистической концепции информации ставит под вопрос обоснованность акцента на информационных единицах как ключевых структурных элементах культуры, характерного для эпидемиологического/распределенного подхода.

С проблемами содержания ментальных состояний, репрезентаций и информации самым тесным образом связана проблематика интенциональности, «народной психологии»⁵ (folk psychology) и интенциональных концепций действия (Девятко,

5. В русскоязычной литературе также встречаются варианты перевода: обыденная психология, житейская психология, фолк-психология и психология здравого смысла.

2003: 274–288). В социальных науках объяснения действия обычно носят интенциональный характер: предполагается, что причинными детерминантами действий индивидов являются состояния их сознания, преимущественно выраженные в виде пропозициональных установок, — убеждений, желаний, намерений и т. д. (Ibid.: 87–97). Как мы могли убедиться в предыдущем разделе, подобные психологические конструкты занимают важное (если не центральное) место в эпидемиологическом подходе к объяснению культуры: Спербер однозначно не считает их «полезными фикциями» или «терминологическими инструментами», настаивая на их реальности и причинной действенности (Sperber, 1996: 14–15). Однако статус интенциональных ментальных состояний в натуралистической философии когнитивных и социальных наук также является значимой теоретической проблемой и предметом для горячих дискуссий: остается неясным, соответствуют ли этим понятиям какие-либо реальные когнитивные и мозговые процессы, а также могут ли рассматриваться основанные на этих конструктах объяснения как научные.

Серьезной логической проблемой для всех приверженцев интенционалистских объяснений является проблема установления причинной связи между ментальными событиями и поведением. Как отмечает С. Тёрнер, сегодня философы характеризуют отношение между интенцией и актом скорее как нормативное, нежели причинное, так как в интенционалистском объяснении невозможно описать причины независимо от следствий (Turner, 2018: 111). На эту же логическую проблему указывает и И. Девятко, подчеркивая, что для установления причинной связи между некоторыми событиями требуется, чтобы эта связь носила возможный, контингентный характер, а не была логически необходимой (Девятко, 2003: 275–276). Однако интенционалистские объяснения исходят из того, что связь между ментальными событиями и поведением является логической, зависящей от самого определения действия, т. е. допускают дефинитивную редукцию (Ibid.). Из этого, по мнению И. Девятко, также следует, что интенциональные объяснения нефальсифицируемы или обладают очень ограниченным эмпирическим содержанием: «Если интенции или убеждения агента не получают независимой от описания самого действия характеристики, эмпирическое содержание подобного объяснения в лучшем случае сводится к тому, что «X сделал A, потому что хотел сделать A» (Ibid.: 277).

Впрочем, каким бы ни был научный статус интенций, в повседневных социальных взаимодействиях убеждения, желания, намерения и другие аналогичные конструкты, очевидно, играют важную роль: они являются частью нашего словаря «народной психологии», с помощью которого мы публично объясняем, оправдываем и рационализируем как поведение других людей, так и свое собственное⁶

6. Существенная оговорка: под словом «мы» в данном случае подразумеваются преимущественно представители вестернизированных, промышленных, демократических обществ. В некоторых обществах приписывание ментальных состояний другим индивидам считается табуированным, а соответствующие лингвистические конструкты попросту отсутствуют: Robbins, Rumsey, 2008; Schieffelin, 2008.

(Turner, 2018: 97–98). Индивиды как активные участники социальной жизни постоянно используют конструкты «народной психологии» для координации действий, вынесения моральных суждений, понимания других, оправдания поступков, регуляции поведения и многих других целей (Ibid.: 97). Кроме критикуемых выше интерналистских подходов, рассматривающих «народную психологию» как «способ репрезентации содержания когнитивных процессов (знаний)» (Девятко, 2003: 286), существуют и экстерналистские подходы, настаивающие на том, что «народная психология» «встроена в поверхностную структуру речевых высказываний и отражает определенный способ описания (поведения)» (Ibid.).

Так, например, философ Д. Хатто выдвинул гипотезу нарративных практик (NPH) (Hutto, 2008), согласно которой объяснение и рационализация действий агентов путем приписывания им ментальных состояний является специальным навыком (компетенцией), приобретаемым индивидами в результате участия в социокультурных практиках «рассказывания историй» (story-telling) (Hutto, Kirchhoff, 2015: 9). Это подразумевает смену статуса понятий «народной психологии»: вместо внутренних ментальных состояний они становятся публичными лингвистическими репрезентациями — т. е. культурными артефактами (Ibid.: 10). Разумеется, такой подход переворачивает с ног на голову теоретическую модель культуры, в которой ментальные состояния, обладающие семантическим содержанием, являются основными структурными элементами и обеспечивают связь культуры с действием. Принятие экстерналистской перспективы с неизбежностью влечет за собой отказ от классического репрезентационализма, традиционных когнитивистских теорий информации и коммуникации, а также стандартных интенциональных концепций действия. В следующем разделе мы попробуем дать краткий очерк того, как могла бы выглядеть альтернативная натуралистическая концепция культуры, учитывающая все представленные выше критические замечания и лишенная упомянутых недостатков культурно-эпидемиологической модели.

Натурализация культуры: неопрагматистская стратегия

Итак, если представленная критика эпидемиологической концепции культуры обоснована и редукция культурных процессов к процессам распространения информации в когнитивных системах является неоправданной, следует задаться вопросом: возможно ли представить себе альтернативную концепцию культуры, которая основывается на убедительной натуралистической онтологии, но избегает упомянутых логических и содержательных проблем?

Очевидно, что такая альтернативная концепция должна опираться не на постулаты традиционного вычислительно-информационного подхода к познанию, критикуемого в предыдущем разделе, а на идеи его главных теоретических оппонентов в когнитивной науке — так называемых E-подходов (Menary, 2010). E-подходы не являются единой исследовательской программой или структурированной мета-

теоретической рамкой, а представляют собой довольно разнородный набор перспектив, фокусирующихся на воплощенном (embodied), расширенном (extended), экологическом (ecological), ситуативном (embedded) и активном (enactive) аспектах познания (Hutto, Myin, 2017: 1–3). Несмотря на существование разногласий по многим значимым вопросам, все эти подходы объединяет скептическое отношение к догматам традиционного когнитивизма⁷, а также выраженный акцент на динамическом, (интер)активном и телесном характере когнитивных процессов (Ibid.). Единицей анализа в Е-подходах выступает не индивидуальный агент с его набором связей и паттернов активации нейронов в головном мозге, а единая неделимая система мозга, тела и окружающей среды (Chemero, 2011).

Для многих Е-подходов также характерна приверженность философии прагматизма (Caruana, Testa, 2020), поэтому их часто именуют «неопрагматистскими». Приверженность прагматистским объяснительным моделям представляет особую важность в контексте обсуждения альтернативной концепции культуры, ведь именно прагматизм предлагает одну из наиболее перспективных альтернатив интенциональным объяснениям действия, а именно — объяснения, основанные на понятии «привычки» (habit-based explanation) (Testa, 2017, 2020; Turner, 2020; Lizardo, 2021). Как отметил философ Б. Поллард, вместо приписывания ментальных состояний агентам такие объяснения работают путем указания на «паттерны определенных действий, которые выполняются в типичных обстоятельствах и которые стали для агента автоматическими в силу неоднократного повторения» (Pollard, 2006: 57). О. Лизардо подчеркивает, что, объясняя действия привычками, мы помещаем единичный акт в более широкий контекст истории действий индивида: иными словами, привычка понимается как диспозиция к совершению определенных действий в определенных обстоятельствах, приобретенная вследствие совершения этих действий при аналогичных обстоятельствах в прошлом (Lizardo, 2021: 394).

Именно привычки и иные поведенческие единицы (или связанные системы таких единиц) могут стать основным «строительным материалом» культуры в альтернативном подходе — в противовес ментальным репрезентациям и другим единицам информации. Разумеется, подобная реконцептуализация не означает, что мы должны отказаться вообще от всех инструментов эпидемиологического/распределенного подхода: мы по-прежнему можем изучать распределение и распространение культурных элементов в человеческих популяциях, однако теперь речь идет уже в первую очередь не о ментальных конструктах, а о наблюдаемом поведении: о взаимодействиях агентов с окружающей средой — включая артефакты материальной культуры — и другими агентами. При этом из-за смены концептуальной оптики дихотомия «публичной — личной культуры», очевидно, становится менее четкой и нуждается в переосмыслении: опираясь на типологию

7. В первую очередь — к представлению о познании как процессе обработки информации, а также о ведущей роли нейронов головного мозга в этом процессе.

культурных практик Лизардо⁸, мы предлагаем разделить эту дихотомию на два аналитически различимых дополнительных измерения — степень распространенности в популяции (от высокой к низкой) и степень зависимости от материальных артефактов (Lizardo, 2022: 8–10).

Содержание первого измерения представляется довольно очевидным, однако здесь важно отметить следующий нюанс: хотя наиболее распространенные в популяции поведенческие единицы мы и можем называть «культурными практиками», с этим понятием следует обращаться с осторожностью. Если мы будем опираться на традиционную неокантианскую концепцию практик, т. е. рассматривать их как разделяемые «скрытые предположения» (Turner, 1994), мы неизбежно столкнемся с рядом проблем, обозначенных Тёрнером в его критике теорий практик⁹, а именно — с проблемами трансмиссии и тождества содержания (Turner, 2014: 67–70). Чтобы избежать этих трудностей, представляется целесообразным рассматривать культурные практики как «индивидуальные привычки, [телесные] навыки, способности не-репрезентационного характера, являющиеся продуктом истории научения и личного опыта» (Lizardo, 2020b). Иными словами, как и в случае с ментальными репрезентациями в классической эпидемиологической модели, мы можем установить лишь «семейное сходство» (Scott-Phillips et al., 2018) индивидуальных поведенческих единиц и на этом основании говорить об их широкой распространенности в популяции (и, следовательно, называть их «практиками»); однако в реальности они все же продолжают оставаться индивидуальными по характеру (Schatzki, 2021: 79–80).

Второе аналитическое измерение типологии, предложенной Лизардо, описывает степень, в которой те или иные поведенческие единицы зависят от внешних ресурсов в виде материальных артефактов или же, напротив, довольствуются личностными (соматическими) ресурсами (Lizardo, 2022: 9–10). В то время как некоторые типы практик полностью локализованы в человеческом мозге и теле, другие типы нуждаются в вынесенных во внешний мир вспомогательных «подпорках» («скаффолдингах»¹⁰), предоставляемых (социо)материальной средой (Ibid.). Как пронципально отметил Тёрнер, общность материальной среды играет важную роль в концепциях общества и культуры, которые не опираются на общность ментальных состояний (Turner, 2018: 188–189). Когнитивные процессы всегда происходят в мире физических объектов, которые индивиды активно используют¹¹ и в от-

8. Подчеркнем, что О. Лизардо — как следует из первого раздела статьи — не является приверженцем E-подходов. Однако в последние годы его взгляды на культуру демонстрируют сближение с прагматистскими позициями. Поэтому новая таксономия культурных практик, предложенная им в статье 2022 года и опирающаяся на некоторые идеи С. Тёрнера, совместима с альтернативным неопрагматистским взглядом на культуру.

9. См. также: Turner, 1994, 2002, 2007, 2014; Девятко, 2003: 289–304; Шариков, 2019: 194–198.

10. От англ. *scaffolding* — строительные леса, подмости. Труднопереводимый психологический термин, первоначально использовавшийся для описания помощи, предоставляемой ребенку со стороны взрослых в процессе обучения. См. также: Turner, 2018: 140–145.

11. Для описания отношений индивидов с объектами материальной среды Тёрнер использует термин «аффордансы», заимствованный из экологической психологии Дж. Гибсона. Подробнее

ношении которых у них формируются опривыченные реакции (Ibid.: 188). Кроме того, объекты могут становиться фокусом совместного внимания (joint attention) индивидов — факт, который представляется Тёрнеру ключевым в объяснении как общности внешне наблюдаемого поведения (практик), так и ментального опыта (Ibid.: 187–188).

Различие традиционного и неопрагматистского подходов к роли объектов можно проиллюстрировать на примере такого очевидно культурного по природе феномена, как деньги. Показательны здесь, в частности, взгляды философа Дж. Сёрля — одного из видных апологетов традиционного когнитивизма и стандартной модели социальной онтологии (Epstein, 2015: 51–53). Сёрля считает, что для наделения статусом денег физических объектов — цветных кусков бумаги с печатью банка — необходимо, чтобы члены сообщества коллективно приняли особое правило, устанавливающее этот статус (Searle, 1995). Для того чтобы это стало возможным, члены сообщества должны сформировать особые ментальные состояния — «мы-установки» (Ibid.). В отличие от Сёрля, сторонник неопрагматистских подходов Тёрнер полагает, что для объяснения культурного феномена денег не нужно привлекать коллективные намерения или иные ментальные состояния — достаточно указать на диспозиции индивидов к обращению с кусками бумаги как с ценными объектами и к использованию их в качестве средств обмена (Turner, 2018: 188–189). Согласно Тёрнеру, коллективный характер культурных феноменов гораздо лучше объясняется не «разделяемыми» рамками, схемами и неявными предположениями (коллективными состояниями сознания), а общими физическими объектами в окружающей среде и нашими опривыченными способами их использования и реакциями на них — а также ожиданиями реакций от других индивидов относительно тех же объектов (Ibid.).

Отдельно стоит подчеркнуть, что, несмотря на выраженный акцент на поведении и взаимодействии агентов с материальной средой, позиции Е-подходов все же не следует рассматривать как антименталистские или радикально бихевиористские¹². Безусловно, большинство представителей Е-подходов отвергает стандартную когнитивистскую картину познания как обработки информации — вычислительных операций с амодальными внутренними символами, обладающими семантическими свойствами и пропозициональным содержанием (Gallagher, 2017: 83–84). Однако отказ от постулатов классического репрезентационализма, разумеется, не подразумевает полной элиминации ментального или автоматической редукции всех когнитивных процессов и механизмов к поведению.

Тёрнер выделяет по меньшей мере два не-репрезентационных когнитивных механизма, имеющих ключевое значение для культуры. Это, во-первых, механизмы имитации и «отзеркаливания», важную роль в реализации которых играют зер-

о значении концепции аффордансов в объяснении природы социокультурных практик. См: Rietveld, Kieverstein, 2014.

12. Хотя это и является одним из самых распространенных упреков в сторону Е-подходов от приверженцев традиционного когнитивизма. См., например: Aizawa, 2017.

кальные нейроны (Turner, 2018: 117–118). Именно эти механизмы помогают взаимодействующим индивидам достигать базовых форм эмпатического понимания и, как следствие, успешно координировать совместные действия, подстраиваясь друг под друга (Ibid.). В конечном счете, по мнению Тёрнера, такая взаимная настройка поведения индивидами и позволяет наблюдателю распознать последнее как некоторую (культурную) практику (Turner, 2014: 361).

Во-вторых, с точки зрения Тёрнера, не менее важными для культуры являются когнитивные эвристики распознавания и заполнения паттернов (pattern recognition) (Turner, 2019), т. е. выученные автоматизированные навыки распознавания сходств и закономерностей¹³ в сенсорных данных — и заполнения «пропусков» в них. Здесь Тёрнер опирается на идеи когнитивного психолога Л. Барсалу о «ситуативных концептуализациях» (Ibid.: 252–253), приводя следующую иллюстрацию: когда мы идем по улице и замечаем по ту сторону дороги друга, машущего нам рукой, мы распознаем в новых сенсорных данных уже привычный нам паттерн (Barsalou, 2013: 2951). Мы концептуализируем окружающую обстановку как «улицу», человека по ту сторону дороги — как «друга», его действие — как «махание рукой», а его эмоциональные и ментальные состояния — как «дружелюбные» (Ibid.). Важно отметить, что это распознавание и заполнение паттерна происходит быстро и автоматически, без сложной вычислительной работы и обработки репрезентаций (Turner, 2019: 253).

По мнению Тёрнера, взаимодействие индивидов в общей (социо)материальной среде, включающее совместное фокусирование внимания на значимых объектах, приводит к тому, что их навыки распознавания и заполнения паттернов со временем становятся схожими, «синхронизируются» (Turner, 2014: 166). На формирование навыков распознавания паттернов, согласно позиции Тёрнера, также оказывают существенное влияние конструируемые в социальных целях нарративы (в первую очередь — нормативные «народные» теории и идеологии), которые имеют тенденцию к хабиутализации (Turner, 2018: 212–213). Например, как уже упоминалось ранее, склонность индивидов в современных западных обществах описывать действия других в терминах убеждений и желаний может объясняться хабиутализацией нарративов «народной психологии» — формированием соответствующих привычек распознавания и заполнения паттернов¹⁴ (Ibid.). В то время как базовые нейрокогнитивные механизмы имитации и «отзеркаливания», с точки зрения Тёрнера, лежат в основе того, что Вебер называл «непосредственным пониманием» (Turner, 2019: 245), комбинация их с культурно приобретенными способами распознавания и заполнения паттернов может случить ключом к полноценному эмпатическому пониманию в значении *Verstehen* (Ibid.: 253–254) — одному из необходимых условий социального взаимодействия и социальной жизни в целом.

13. В том числе социально значимых

14. Альтернативой такому объяснению, разумеется, будет утверждение о реальности и причинной действенности соответствующих состояний.

В итоге мы получаем картину, в которой когнитивные и культурные факторы тесно переплетаются, оказывая взаимное влияние друг на друга. С одной стороны, культурные практики — и социальные взаимодействия в широком смысле — немислимы без некоторых врожденных, эволюционно сформированных нейрокогнитивных механизмов (например, механизмов «отзеркаливания», связанных с работой зеркальных нейронов). С другой стороны, само участие в культурных практиках фундаментальным образом преобразует наши познавательные процессы — влияет на то, как мы видим окружающий мир в целом и как воспринимаем конкретные ситуации¹⁵ (Roepstorff et al., 2010). Подстраиваясь под требования социального взаимодействия и условия (социо)материальной среды, мы приобретаем новые – или трансформируем существующие – когнитивные навыки (например, навыки распознавания паттернов и иные когнитивные эвристики). Такой фундаментально интеракционистский подход к пониманию культуры представляется нам убедительной альтернативой моделям, рассматривающим взаимодействия и практики исключительно как часть цепочек передачи информации. На наш взгляд, альтернативная неопрагматистская модель культуры, опирающаяся на идеи Е-подходов в когнитивных науках, позволяет сохранить некоторые преимущества эпидемиологической оптики, преодолев при этом множество ограничений, характерных для информационно-вычислительных моделей.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели две когнитивно-ориентированные, натуралистические стратегии теоретизирования о культуре и культурных феноменах. Одна из них базируется на философско-теоретических предпосылках традиционного когнитивизма и механистической философии науки, а другая — на предпосылках Е-подходов и прагматистской философии действия. В центре одной из них находятся процессы распространения и трансформации информационных единиц, в центре другой — взаимодействия индивидов в материальной среде. Одна из них опирается на интенционалистские объяснения действия и оперирует конструктами «народной психологии», другая предпочитает объяснять действия с помощью привычек и диспозиций, а также базовых нейрокогнитивных механизмов. И та, и другая обладают несомненными преимуществами — равно как и неоспоримыми недостатками.

На наш взгляд, главным преимуществом обеих стратегий является их способность преодолеть проблемы и ограничения, характерные для доминирующих в поведенческих науках подходов к изучению культуры: в частности, для исследовательской программы «культурной нейронауки» и ее «старшей сестры» – кросс-культурной психологии (Vidal, Ortega, 2018). При этом, однако, остается неочевидным, насколько рассматриваемые стратегии совместимы с другими подходами

15. При этом, как неоднократно подчеркивалось выше, для объяснения этого влияния нам не требуется постулировать скрытые «разделяемые» ментальные структуры.

к изучению культуры в социальных науках — в частности, с исследовательскими программами в социологии культуры. Несложно заметить, что культурно-эпидемиологическая и неопрагматистская стратегии, описанные в статье, являются выражено индивидуалистскими — как на онтологическом, так и на методологическом уровне¹⁶. В то же время многие классические и современные социологические подходы к изучению культуры демонстрируют приверженность позициям методологического — а зачастую и онтологического — холизма¹⁷: культура нередко определяется в терминах коллективно разделяемых «значений» или «коллективных представлений» (Alexander, 2004: 530).

Мы исходим из того, что онтологический холизм в отношении культуры и культурных феноменов в корне несовместим с представленными в статье подходами, так как противоречит основополагающим предпосылкам философского натурализма. В то же время мы легко можем представить себе позицию, сочетающую методологический холизм с индивидуалистской социальной онтологией. В одной из предыдущих работ мы уже указывали на концепции социального эмерджентизма¹⁸ как на один из возможных источников для обоснования такой позиции (Шарииков, 2019: 200–203). Например, опираясь на эмерджентистскую концепцию «нередуктивного индивидуализма» Р. К. Сойера (Sawyer, 2002a, 2003), мы можем рассматривать свойства культуры на коллективном уровне как эмерджентные свойства, которые супервентны¹⁹ на индивидуальных – психологических и нейробиологических — свойствах, но в то же время нередуцируемы к ним (Sawyer, 2002a: 553–554).

Безусловно, культурно-эпидемиологическая модель с ее акцентом на ментальных репрезентациях оказывается здесь в выигрышном положении. Инструменты агентного моделирования в компьютерных науках (Shaw, 2019) позволяют продемонстрировать, как из индивидуальных цепочек передачи ментальных репрезентаций возникают эмерджентные культурные феномены коллективного уровня.

16. Позиция онтологического индивидуализма в социальных науках подразумевает, что реальны только индивиды: социальные объекты и свойства являются лишь комбинациями индивидов и их свойств. Методологический индивидуализм настаивает на том, что все социальные явления и события могут быть объяснены в индивидуальных (в т. ч. психологических или нейробиологических) терминах. Кратко о различиях между онтологическим и методологическим индивидуализмом см.: Epstein, 2015: 18–22.

17. Онтологические холисты (коллективисты) исходят из представлений о реальности социальных объектов и свойств. Методологические холисты, в свою очередь, настаивают на том, что социальные объекты и явления должны описываться в социологических терминах, несводимых к индивидуальным (в т. ч. психологическим). При этом методологический холизм ничего не утверждает о реальности социальных объектов и свойств, поэтому в принципе совместим как с онтологическим холизмом, так и с онтологическим индивидуализмом. Подробнее о холизме в социальных науках см.: Zahle, 2016.

18. Подробнее об эмерджентизме в социологии культуры см.: Куракин, 2018: 40–44; Kurakin, 2020: 71–74.

19. Термин «супервентность» заимствован Р. К. Сойером из философии, где тот описывает особое нередуктивное отношение онтологической зависимости между двумя наборами свойств. Например, такие свойства воды как прозрачность и текучесть несводимы к свойствам суммы молекул H₂O (Юлина, 2009: 946).

В частности, в одной из работ Л. Шоу описываются результаты компьютерной симуляции, в которой взаимодействия индивидуальных агентов привели к возникновению эмерджентного социального порядка с четко идентифицируемыми на макро-уровне подгруппами агентов, обладающих схожими по содержанию ментальными репрезентациями («разделяемыми» смыслами) (Shaw, 2015). На наш взгляд, несмотря на характерные для компьютерных симуляций ограничения и упрощения, эта и другие аналогичные работы дают нам ключ к пониманию того, как информационно-ориентированные когнитивистские подходы могут быть продуктивно интегрированы с исследовательскими программами традиционной социологии культуры.

Несмотря на активное использование сторонниками E-подходов в когнитивных науках инструментов математического моделирования, в частности, теории динамических систем (Lamb, Chemero, 2018), пока остается неочевидным, как эти инструменты могут быть использованы для моделирования эмерджентных культурных феноменов коллективного уровня²⁰. При этом в социологии культуры существуют традиции, которые — подобно неопрагматистскому подходу — предлагают рассматривать культуру как систему социальных практик. К сожалению, последние зачастую опираются на стандартные неокантианские предпосылки о коллективных ментальных структурах как основе социальных практик (Turner, 1994), поэтому несовместимы с рассматриваемой в третьем разделе тёрнерианской концепцией.

С другой стороны, существуют традиции, которые предлагают перевернуть классическую культуросоциологическую картину с ног на голову и рассматривать практики как первопричины представлений и верований. К ним относится, например, трактовка дюркгеймовской теории знания, предложенная американской исследовательницей Э. Роулз (Роулз, 2005). Согласно интерпретации Роулз, в поздних работах Э. Дюркгейма приоритетной единицей анализа выступают конкретные разыгрываемые практики — наблюдаемые звуки и движения, способные вызывать у участников практики «определенные базовые переживания или эмоциональные отклики» (Роулз, 2005: 5). Формирование коллективных «представлений» и «понятий» является следствием разыгрывания конкретных практик, производящих общие переживания: вопреки классическим идеалистическим трактовкам дюркгеймианского аргумента, верования и символы на самом деле вторичны по отношению к коллективным действиям (Ibid.: 10–11). Как мы указывали ранее, Тёрнер также склонен объяснять общность психоэмоционального опыта индивидов конкретными коллективными действиями, включающими использование конкретных физических объектов, в общей материальной среде (Turner, 2018: 187–188). На наш взгляд, такое сходство позиций неслучайно и спо-

20. Разумеется, сама по себе возможность построить математическую модель ничего не говорит об истинности или предпочтительности того или иного подхода.

собно проложить дорогу для интеграции неопрагматистских когнитивистских подходов с некоторыми перспективами в социологии культуры²¹.

Не вызывает сомнений, что культурно-эпидемиологический подход опирается на более длительную, устойчивую и эмпирически успешную исследовательскую традицию в когнитивных науках, чем его неопрагматистский оппонент. В то время как Е-подходы вышли на научную арену сравнительно недавно, за плечами у традиционного когнитивизма имеется как огромный массив эмпирических исследований, так и поистине колоссальный запас философско-теоретического знания. Не менее очевидно и то, что эпидемиологический подход обладает лучшей совместимостью с традиционными исследовательскими программами в социологии культуры, в то время как неопрагматистская альтернатива в теории совместима лишь с отдельными, не слишком распространенными перспективами.

Однако цена, которую приходится заплатить сторонникам эпидемиологического подхода за приверженность постулатам традиционного когнитивизма, все же весьма высока. На наш взгляд, проблемы с натурализацией информации и содержания ментальных состояний, подробно описанные во втором разделе данной статьи, серьезно подрывают авторитет традиционного когнитивизма — а вместе с ним и эпидемиологического подхода к изучению культуры. Несмотря на то, что альтернативная — неопрагматистская — стратегия пока является менее «зрелой» и концептуально проработанной, в перспективе она представляется нам более убедительным кандидатом на роль подлинно интегративной натуралистической концепции культуры, объединяющей объяснительные возможности когнитивных, поведенческих и социальных наук. Впрочем, какая из представленных стратегий окажется успешнее, покажет лишь время.

Литература

- Быков А. В., Настина Е. А. (2020). Взаимосвязи ценностных установок и карьерных достижений (по данным исследования молодежи) // Социологические исследования. № 8. С. 67–77.
- Витгенштейн Л. (2018). Философские исследования / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ.
- Девятко И. Ф. (2003). Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс.
- Куракин Д. Ю. (2018). Предисловие к русскому переводу «Элементарных форм религиозной жизни» // Дюркгейм. Э. Элементарные формы религиозной жизни / Пер. с фр. В. В. Земсковой под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы. С. 15–80.

21. Особенно в свете интерпретации Р. К. Сойером дюркгеймианского синтеза *sui generis* как эмерджентистской концепции, совместимой с нередуктивным индивидуализмом (Sawyer, 2002b). См. также: Kurakin, 2020.

- Куракин Д. Ю. (2020). Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 167–231.
- Роулз Э. (2005). Дюркгеймовская трактовка практики: альтернатива конкретных практик и представлений как оснований разума / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 3–30.
- Фаликман М. В., Коул М. (2014). «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. Т. 10. № 3. С. 4–18.
- Шариков Д. Д. (2019). Новая социология культуры: от «ящиков с инструментами» к когнитивным процессам // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 3. С. 179–210.
- Шариков Д. Д. (2020). Культура и познание: в поисках не-редукционистского подхода // Социология власти. Т. 32. № 2. С. 104–124.
- Юлина Н. С. (2009). Супервентность // Касавин И. Т. (ред.). Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+. С. 946–947.
- Adolphs R. (2010). Conceptual Challenges and Directions for Social Neuroscience // *Neuron*. Vol. 65. № 6. P. 752–767.
- Aizawa K. (2017). Cognition and Behavior // *Synthese*. Vol. 194. № 11. P. 4269–4288.
- Alexander J. C. (2004). Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy // *Sociological Theory*. Vol. 22. № 4. P. 527–573.
- Barsalou L. W. (1999). Perceptual Symbol Systems // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 22. № 4. P. 577–660.
- Barsalou L. W. (2013) Mirroring as Pattern Completion Inferences within Situated Conceptualizations // *Cortex*. Vol. 49. № 10. P. 2951–2953.
- Bunge M. (2003). *Emergence and Convergence: Qualitative Novelty and the Unity of Knowledge*. Toronto: University of Toronto Press.
- Buskell A. (2017). What are Cultural Attractors? // *Biology & Philosophy*. Vol. 32. № 3. P. 377–394.
- Caruana F., Testa I. (eds.). (2020). *Habits: Pragmatist Approaches from Cognitive Science, Neuroscience, and Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chemero A. (2011). *Radical Embodied Cognitive Science*. Cambridge: MIT Press.
- Chiao J. Y., Ambady N. (2007). Cultural Neuroscience: Parsing Universality and Diversity across Levels of Analysis // Kitayama S., Cohen D. (eds.) *Handbook of Cultural Psychology*. N.Y.: Guilford. P. 237–254.
- Claidière N., Sperber D. (2007). The Role of Attraction in Cultural Evolution // *Journal of Cognition and Culture*. Vol. 7. № 1–2. P. 89–111.
- Coulter J. (2008). Twenty-Five Theses against Cognitivism // *Theory, Culture & Society*. 2008. Vol. 25. № 2. P. 19–32.
- Epstein B. (2015). *The Ant Trap: Rebuilding the Foundations of the Social Sciences*. Oxford: Oxford University Press.
- Fischer R., Schwartz S. (2011). Whence Differences in Value Priorities? Individual, Cultural, or Artifactual Sources // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 42. № 7. P. 1127–1144.

- Fodor J. A.* (1975). *The Language of Thought*. Cambridge: Harvard University Press.
- Foster J. G.* (2018). *Culture and Computation: Steps to a Probably Approximately Correct Theory of Culture // Poetics*. Vol. 68. P. 144–154.
- Gallagher S.* (2017). *Enactivist Interventions: Rethinking the Mind*. Oxford: Oxford University Press.
- Han S., Northoff G., Vogeley K., Wexler B. E., Kitayama S., Varnum M. E. W.* (2013). *A Cultural Neuroscience Approach to the Biosocial Nature of the Human Brain // Annual Review of Psychology*. Vol. 64. P. 335–359.
- Heinz A., Müller D. J., Krach S., Cabanis M., Kluge U. P.* (2014). *The Uncanny Return of the Race Concept // Frontiers in Human Neuroscience*. Vol. 8. Art. 836.
- Hempel C. G.* (1965). *Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science*. N.Y.: Free Press.
- Hofstede G.* (2001). *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. Thousand Oaks: Sage.
- Hutchins E.* (1995). *Cognition in the Wild*. Cambridge: MIT Press.
- Hutto D. D.* (2008). *Folk Psychological Narratives*. Cambridge: MIT Press.
- Hutto D. D., Kirchhoff M. D.* (2015). *Looking beyond the Brain: Social Neuroscience Meets Narrative Practice // Cognitive Systems Research*. Vol. 34. P. 5–17.
- Hutto D. D., Myin E.* (2013). *Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content*. Cambridge: MIT Press.
- Hutto D. D., Myin E.* (2017). *Evolving Enactivism: Basic Minds Meet Content*. Cambridge: MIT Press.
- Hutto D. D., Myin E.* (2018). *Going Radical // Newen A., De Bruin L., Gallagher S.* (eds.). *The Oxford Handbook of 4E Cognition*. Oxford: Oxford University Press. P. 94–116.
- Hutto D. D., Satne G.* (2015). *The Natural Origins of Content // Philosophia*. Vol. 43. № 3. P. 521–536.
- Ignatow G.* (2007). *Theories of Embodied Knowledge: New Directions for Cultural and Cognitive Sociology? // Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 37. № 2. P. 115–135.
- Kaidesoja T.* (2013). *Naturalizing Critical Realist Social Ontology*. N.Y.: Routledge.
- Kaidesoja T., Sarkia M., Hyyryläinen M.* (2019). *Arguments for the Cognitive Social Sciences // Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 49. № 4. P. 480–498.
- Kurakin D.* (2020). *Culture and Cognition: The Durkheimian Principle of Sui Generis Synthesis vs. Cognitive-Based Models of Culture // American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 8. № 1. P. 63–89.
- Lamb M., Chemero A.* (2018). *Interacting in the Open // Newen A., De Bruin L., Gallagher S.* (eds.). *The Oxford Handbook of 4E Cognition*. Oxford: Oxford University Press. P. 94–116.
- Lehman D. R., Chiu C., Schaller M.* (2004). *Psychology and Culture // Annual Review of Psychology*. Vol. 55. P. 689–714.
- Lizardo O.* (2015). *Culture, Cognition and Embodiment // Wright J. D.* (ed.). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam: Elsevier. P. 576–581.

- Lizardo O.* (2017). Improving Cultural Analysis: Considering Personal Culture in Its Declarative and Nondeclarative Modes // *American Sociological Review*. Vol. 82. № 1. P. 88–115.
- Lizardo O.* (2020a). Ontic Monism versus Pluralism in Cultural Theory. URL: <https://culturecog.blog/2020/12/19/ontic-monism-versus-pluralism-in-cultural-theory/> (дата доступа: 24.03.2021)
- Lizardo O.* (2020b). A Typology of Cultural Practices. URL: <https://culturecog.blog/2020/01/05/a-typology-of-cultural-practices/> (дата доступа: 24.03.2021).
- Lizardo O.* (2021). Habit and the Explanation of Action // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 53. № 3. P. 391–411.
- Lizardo O.* (2022). What is Implicit Culture? // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. In press.
- Mateo M. M., Cabanis M., de Echeverría Loebell N. C., Krach S.* (2012). Concerns about Cultural Neurosciences: A Critical Analysis // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. Vol 36. № 1. P. 152–161.
- Menary R.* (2010). Introduction to the Special Issue on 4E Cognition // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. Vol. 9. № 4. P. 459–463.
- Newell A.* (1980). Physical Symbol Systems // *Cognitive Science*. Vol. 4. № 2. P. 135–183.
- Norton M.* (2020). Cultural Sociology Meets the Cognitive Wild: Advantages of the Distributed Cognition Framework for Analyzing the Intersection of Culture and Cognition // *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 8. № 1. P. 45–62.
- Orenstein C.* (2002). *Little Red Riding Hood Uncloaked: Sex, Morality, and the Evolution of a Fairy Tale*. N.Y.: Basic Books.
- Pollard B.* (2006). Explaining Actions with Habits // *American Philosophical Quarterly*. Vol. 43. № 1. P. 57–69.
- Rietveld E., Kiverstein J.* (2014). A Rich Landscape of Affordances // *Ecological Psychology*. Vol. 26. № 4. P. 325–352.
- Robbins J., Rumsey A.* (2008). Introduction: Cultural and Linguistic Anthropology and the Opacity of Other Minds // *Anthropological Quarterly*. Vol. 81. № 2. P. 407–420.
- Roepstorff A., Niewöhner J., Beck S.* (2010). Enculturing Brains through Patterned Practices // *Neural Networks*. Vol. 23. № 8–9. P. 1051–1059.
- Rosenberg A.* (2014). Disenchanted Naturalism // *Bashour B., Muller H. D.* (eds.). *Contemporary Philosophical Naturalism and Its Implications*. N.Y.: Routledge. P. 17–36.
- Sarkia M., Kaidesoja T., Hyyryläinen M.* (2020). Mechanistic Explanations in the Cognitive Social Sciences: Lessons from Three Case Studies // *Social Science Information*. Vol. 59. № 4. P. 580–603.
- Sawyer R. K.* (2002a). Nonreductive Individualism, Part I: Supervenience and Wild Disjunction // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 32. № 4. P. 537–559.
- Sawyer R. K.* (2002b). Durkheim's Dilemma: Toward a Sociology of Emergence // *Sociological Theory*. Vol. 20. № 2. P. 227–247.
- Sawyer R. K.* (2003). Nonreductive Individualism, Part II: Social Causation // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 33. № 2. P. 203–224.

- Schatzki T. R. (2021). What Is in an Account of Practices? // *Adair-Totef C.* (ed.) *Stephen Turner and the Philosophy of the Social*. Leiden: Brill Rodopi. P. 71–89.
- Schieffelin B. B. (2008). Speaking Only Your Own Mind: Reflections on Talk, Gossip and Intentionality in Bosavi (PNG) // *Anthropological Quarterly*. Vol. 81. № 2. P. 431–441.
- Scott-Phillips T. C., Blancke S., Heintz C. (2018). Four Misunderstandings about Cultural Attraction // *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*. Vol. 27. № 4. P. 162–173.
- Searle J. (1995). *The Construction of Social Reality*. N.Y.: Free Press.
- Shaw L. (2015). Mechanics and Dynamics of Social Construction: Modeling the Emergence of Culture from Individual Mental Representation // *Poetics*. Vol. 52. P. 75–90.
- Shaw L. (2019). Charting the Emergence of the Cultural from the Cognitive with Agent-Based Modeling // *Brekhus W.H., Ignatow G.* (eds.). *The Oxford Handbook of Cognitive Sociology*. Oxford: Oxford University Press. P. 403–421.
- Soliman T., Glenberg A. M. (2014). The Embodiment of Culture // *Shapiro L.* (ed.). *The Routledge Handbook of Embodied Cognition*. N.Y.: Routledge, P. 207–219.
- Sperber D. (1996). *Explaining Culture: A Naturalistic Approach*. Oxford: Blackwell.
- Sperber D. (2011). A Naturalistic Ontology for Mechanistic Explanations in the Social Sciences // *Demeulenaere P.* (ed.). *Analytical Sociology and Social Mechanisms*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 64–77.
- Testa I. (2017). Dewey's Social Ontology: A Pragmatist Alternative to Searle's Approach to Social Reality // *International Journal of Philosophical Studies*. Vol. 25. № 1. P. 40–62.
- Testa I. (2020). A Habit Ontology for Cognitive and Social Sciences // *Caruana F., Testa I.* (eds.). *Habits: Pragmatist Approaches from Cognitive Science, Neuroscience, and Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 395–416.
- Turner S. P. (1994). *The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge, and Pre-suppositions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Turner S. P. (2002). *Brains/Practices/Relativism: Social Theory after Cognitive Science*. Chicago: University of Chicago Press.
- Turner S. P. (2007). Mirror Neurons and Practices: A Response to Lizardo // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 37. № 3. P. 351–371.
- Turner S. P. (2014). *Understanding the Tacit*. N.Y.: Routledge.
- Turner S. P. (2018). *Cognitive Science and the Social: A Primer*. N.Y.: Routledge.
- Turner S. P. (2019). Verstehen Naturalized // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 49. № 4. P. 243–264.
- Turner S. P. (2020). Habit is Thus the Enormous Flywheel of Society // *Caruana F., Testa I.* (eds.). *Habits: Pragmatist Approaches from Cognitive Science, Neuroscience, and Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 320–336.
- Vidal F., Ortega F. (2018). On the Neurodisciplines of Culture // *Meloni M., Cromby J., Fitzgerald D., Lloyd S.* (eds.). *The Palgrave Handbook of Biology and Society*. L.: Palgrave Macmillan. P. 371–390.
- Zahle J. (2016). Methodological Holism in the Social Sciences. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/holism-social/> (дата доступа: 12.02.2022).

Naturalizing Culture: Cognitivism vs. Pragmatism

Dmitrii Sharikov

PhD Student, School of Sociology, HSE University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: ddsharikov@hse.ru

This paper focuses on the integrative models of culture and cultural phenomena developed at the intersection of the cognitive and social sciences. It is argued that the leading research program of “cultural neuroscience” rests on the erroneous presuppositions with regard to the nature of cultural phenomena. Two alternative theoretical strategies are subsequently proposed for consideration. The first builds on the traditional computational approach in the philosophy of mind and cognitive sciences. According to this strategy, culture consists of information units as mental and public representations that are disseminated and transformed in the process of communication. The second strategy builds on a family of competing cognitivist approaches, namely the “4E” approaches. It asserts that culture is best explained in terms of individuals interacting in the shared material environment. The paper argues that the first strategy faces a number of substantial problems. It is claimed that the notions of information and mental content employed within this approach are scientifically questionable. In addition, it is maintained that the second strategy, although less conceptually mature and elaborate, does not face the same kinds of problems as the first one. In the concluding paragraph, the advantages and disadvantages of both theoretical strategies are, once again, weighed up.

Keywords: culture and cognition, cognitive sociology, cultural sociology, cultural practices, naturalism, pragmatism

References

- Adolphs R. (2010) Conceptual Challenges and Directions for Social Neuroscience. *Neuron*, vol. 65, no 6, pp. 752–767.
- Aizawa K. (2017) Cognition and Behavior. *Synthese*, vol. 194, no 11, pp. 4269–4288.
- Alexander J. C. (2004) Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy. *Sociological Theory*, vol. 22, no 4, pp. 527–573.
- Barsalou L. W. (1999) Perceptual Symbol Systems. *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 22, no 4, pp. 577–660.
- Barsalou L. W. (2013) Mirroring as Pattern Completion Inferences within Situated Conceptualizations. *Cortex*, vol. 49, no 10, pp. 2951–2953.
- Bunge M. (2003) *Emergence and Convergence: Qualitative Novelty and the Unity of Knowledge*, Toronto: University of Toronto Press.
- Buskell A. (2017) What are Cultural Attractors?. *Biology & Philosophy*, vol. 32, no 3, pp. 377–394.
- Bykov A., Nastina E. (2020) Vzaimosvjazi cennostnyh ustanovok i kar'ernyh dostizhenij (po dannym issledovanija molodezhi) [Interconnections between Value Attitudes and Career Achievements (Based on a Survey of Youth)]. *Sociological Studies*, no 8, pp. 67–77.
- Caruana F., Testa I. (eds.) (2020) *Habits: Pragmatist Approaches from Cognitive Science, Neuroscience, and Social Theory*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Chemero A. (2011) *Radical Embodied Cognitive Science*, Cambridge: MIT Press.
- Chiao J. Y., Ambady N. (2007) Cultural Neuroscience: Parsing Universality and Diversity across Levels of Analysis. *Handbook of Cultural Psychology* (eds. S. Kitayama, D. Cohen), New York: Guilford, pp. 237–254.
- Claidière N., Sperber D. (2007) The Role of Attraction in Cultural Evolution. *Journal of Cognition and Culture*, vol. 7, no 1–2, pp. 89–111.
- Coulter J. (2008) Twenty-Five Theses against Cognitivism. *Theory, Culture & Society*, vol. 25, no 2, pp. 19–32.

- Deviatko I. (2003) *Sociologicheskie teorii dejatel'nosti i prakticheskoy racional'nosti* [Sociological Theories of Action and Practical Rationality], Moscow: Avanti Plus.
- Epstein B. (2015) *The Ant Trap: Rebuilding the Foundations of the Social Sciences*, Oxford: Oxford University Press.
- Falikman M., Cole M. (2014) "Kul'turnaja revoljucija" v kognitivnoj nauke: ot nejronnoj plastichnosti do geneticheskikh mehanizmov priobretenija kul'turnogo opyta ["Cultural Revolution" in Cognitive Science: From Neuropasticity to Genetic Mechanisms of Acculturation]. *Cultural-Historical Psychology*, vol. 10, no 3, pp. 4–18.
- Fischer R., Schwartz S. (2011) Whence Differences in Value Priorities? Individual, Cultural, or Artifactual Sources. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 42, no 7, pp. 1127–1144.
- Fodor J. A. (1975) *The Language of Thought*, Cambridge: Harvard University Press.
- Foster J. G. (2018) Culture and Computation: Steps to a Probably Approximately Correct Theory of Culture. *Poetics*, vol. 68, pp. 144–154.
- Gallagher S. (2017) *Enactivist Interventions: Rethinking the Mind*, Oxford: Oxford University Press.
- Han S., Northoff G., Vogeley K., Wexler B. E., Kitayama S., Varnum M. E. W. (2013) A Cultural Neuroscience Approach to the Biosocial Nature of the Human Brain. *Annual Review of Psychology*, vol. 64, pp. 335–359.
- Heinz A., Müller D. J., Krach S., Cabanis M., Kluge U. P. (2014) The Uncanny Return of the Race Concept. *Frontiers in Human Neuroscience*, vol. 8, art. 836.
- Hempel C. G. (1965) *Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science*, New York: Free Press.
- Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*, Thousand Oaks: Sage.
- Hutchins E. (1995) *Cognition in the Wild*, Cambridge: MIT Press.
- Hutto D. D. (2008) *Folk Psychological Narratives*, Cambridge: MIT Press.
- Hutto D. D., Kirchhoff M. D. (2015) Looking beyond the Brain: Social Neuroscience Meets Narrative Practice. *Cognitive Systems Research*, vol. 34, pp. 5–17.
- Hutto D. D., Myin E. (2013) *Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content*, Cambridge: MIT Press.
- Hutto D. D., Myin E. (2017) *Evolving Enactivism: Basic Minds Meet Content*, Cambridge: MIT Press.
- Hutto D. D., Myin E. (2018) Going Radical. *The Oxford Handbook of 4E Cognition* (eds. A. Newen., L. De Bruin, S. Gallagher), Oxford: Oxford University Press, pp. 94–116.
- Hutto D. D., Satne G. (2015) The Natural Origins of Content. *Philosophia*, vol. 43, no 3, pp. 521–536.
- Ignatow G. (2007) Theories of Embodied Knowledge: New Directions for Cultural and Cognitive Sociology?. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 37, no 2, pp. 115–135.
- Kaidesoja T. (2013) *Naturalizing Critical Realist Social Ontology*, New York: Routledge.
- Kaidesoja T., Sarkia M., Hyyryläinen M. (2019) Arguments for the Cognitive Social Sciences. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 49, no 4, pp. 480–498.
- Kurakin D. (2018) Predislovie k russkomu perevodu "Jelementarnyh form religioznoj zhizni" [Preface to the Russian translation of The Elementary Form of Religious Life]. Durkheim E., *Jelementarnye formy religioznoj zhizni* [The Elementary Forms of Religious Life], Moscow: Elementary Forms Press, pp. 15–80.
- Kurakin D. (2020) Tragedija neravenstva: raschelovechivaja "total'nogo cheloveka" [Tragedy of Inequality: Dehumanizing "L'Homme Total"]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 167–231.
- Kurakin D. (2020) Culture and Cognition: The Durkheimian Principle of Sui Generis Synthesis vs. Cognitive-Based Models of Culture. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, no 1, pp. 63–89.
- Lamb M., Chemero A. (2018) Interacting in the Open. *The Oxford Handbook of 4E Cognition* (eds. A. Newen., L. De Bruin, S. Gallagher), Oxford: Oxford University Press, pp. 94–116.
- Lehman D. R., Chiu C., Schaller M. (2004) Psychology and Culture. *Annual Review of Psychology*, vol. 55, pp. 689–714.
- Lizardo O. (2015) Culture, Cognition and Embodiment. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* (ed. J. D. Wright), Amsterdam: Elsevier, pp. 576–581.
- Lizardo O. (2017) Improving Cultural Analysis: Considering Personal Culture in Its Declarative and Nondeclarative Modes. *American Sociological Review*, vol. 82, no 1, pp. 88–115.

- Lizardo O. (2020) Ontic Monism versus Pluralism in Cultural Theory. Available at: <https://culturecog.blog/2020/12/19/ontic-monism-versus-pluralism-in-cultural-theory/> (accessed 24 March 2021).
- Lizardo O. (2020) A Typology of Cultural Practices. Available at: <https://culturecog.blog/2020/01/05/a-typology-of-cultural-practices/> (accessed 24 March 2021).
- Lizardo O. (2021) Habit and the Explanation of Action. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 53, no 3, pp. 391–411.
- Lizardo O. (2022) What is Implicit Culture?. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. (In press)
- Mateo M. M., Cabanis M., de Echeverría Loebell N. C., Krach S. (2012) Concerns about Cultural Neurosciences: A Critical Analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, vol 36, no 1, pp. 152–161.
- Menary R. (2010) Introduction to the Special Issue on 4E Cognition. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, vol. 9, no 4, pp. 459–463.
- Newell A. (1980) Physical Symbol Systems. *Cognitive Science*, vol. 4, no 2, pp. 135–183.
- Norton M. (2020) Cultural Sociology Meets the Cognitive Wild: Advantages of the Distributed Cognition Framework for Analyzing the Intersection of Culture and Cognition. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, no 1, pp. 45–62.
- Orenstein C. (2002) *Little Red Riding Hood Uncloaked: Sex, Morality, and the Evolution of a Fairy Tale*, New York: Basic Books.
- Pollard B. (2006) Explaining Actions with Habits. *American Philosophical Quarterly*, vol. 43, no 1, pp. 57–69.
- Rawls A. (2005) Djurkgejmovskaja traktovka praktiki: al'ternativa konkretnyh praktik i predstavlenij kak osnovanij razuma [Durkheim's Treatment of Practice: Concrete Practice vs Representations as the Foundation of Reason]. *Russian Sociological Review*, vol. 4, no 1, pp. 3–30.
- Rietveld E., Kiverstein J. (2014) A Rich Landscape of Affordances. *Ecological Psychology*, vol. 26, no 4, pp. 325–352.
- Robbins J., Rumsey A. (2008) Introduction: Cultural and Linguistic Anthropology and the Opacity of Other Minds. *Anthropological Quarterly*, vol. 81, no 2, pp. 407–420.
- Roepstorff A., Niewöhner J., Beck S. (2010) Enculturing Brains through Patterned Practices. *Neural Networks*, vol. 23, no 8–9, pp. 1051–1059.
- Rosenberg A. (2014) Disenchanted Naturalism. *Contemporary Philosophical Naturalism and Its Implications* (eds. B. Bashour, H. D. Muller), New York: Routledge, pp. 17–36.
- Sarkia M., Kaidesoja T., Hyyryläinen M. (2020) Mechanistic Explanations in the Cognitive Social Sciences: Lessons from Three Case Studies. *Social Science Information*, vol. 59, no 4, pp. 580–603.
- Sawyer R. K. (2002) Nonreductive Individualism, Part I: Supervenience and Wild Disjunction. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 32, no 4, pp. 537–559.
- Sawyer R. K. (2002) Durkheim's Dilemma: Toward a Sociology of Emergence. *Sociological Theory*, vol. 20, no 2, pp. 227–247.
- Sawyer R. K. (2003) Nonreductive Individualism, Part II: Social Causation. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 33, no 2, pp. 203–224.
- Schatzki T. R. (2021) What Is in an Account of Practices?. *Stephen Turner and the Philosophy of the Social* (ed. C. Adair-Toteff), Leiden: Brill Rodopi, pp. 71–89.
- Schieffelin B. B. (2008) Speaking Only Your Own Mind: Reflections on Talk, Gossip and Intentionality in Bosavi (PNG). *Anthropological Quarterly*, vol. 81, no 2, pp. 431–441.
- Scott-Phillips T.C., Blancke S., Heintz C. (2018) Four Misunderstandings about Cultural Attraction. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*, vol. 27, no 4, pp. 162–173.
- Searle J. (1995) *The Construction of Social Reality*, New York: Free Press.
- Sharikov D. (2019) Novaja sociologija kul'tury: ot "jashnikov s instrumentami" k kognitivnym processam [The New Sociology of Culture: From Toolkits to Cognitive Processes]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, no 3, pp. 179–210.
- Sharikov D. (2020) Kul'tura i poznanie: v poiskah ne-redukcionistskogo podhoda [Culture and Cognition: In Search of a Non-reductionist Framework]. *Sociology of Power*, vol. 32, no 2, pp. 104–124.
- Shaw L. (2015) Mechanics and Dynamics of Social Construction: Modeling the Emergence of Culture from Individual Mental Representation. *Poetics*, vol. 52, pp. 75–90.

- Shaw L. (2019) Charting the Emergence of the Cultural from the Cognitive with Agent-Based Modeling. *The Oxford Handbook of Cognitive Sociology* (eds. W. H. Brekhus, G. Ignatow), Oxford: Oxford University Press, pp. 403–421.
- Soliman T., Glenberg A. M. (2014) The Embodiment of Culture. *The Routledge Handbook of Embodied Cognition* (ed. L. Shapiro), New York: Routledge, pp. 207–219.
- Sperber D. (1996) *Explaining Culture: A Naturalistic Approach*, Oxford: Blackwell.
- Sperber D. (2011) A Naturalistic Ontology for Mechanistic Explanations in the Social Sciences. *Analytical Sociology and Social Mechanisms* (ed. P. Demeulenaere), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 64–77.
- Testa I. (2017) Dewey's Social Ontology: A Pragmatist Alternative to Searle's Approach to Social Reality. *International Journal of Philosophical Studies*, vol. 25, no 1, pp. 40–62.
- Testa I. (2020) A Habit Ontology for Cognitive and Social Sciences. *Habits: Pragmatist Approaches from Cognitive Science, Neuroscience, and Social Theory* (eds. F. Caruana., I. Testa), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 395–416.
- Turner S. P. (1994) *The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge, and Presuppositions*, Chicago: University of Chicago Press.
- Turner S. P. (2002) *Brains/Practices/Relativism: Social Theory after Cognitive Science*, Chicago: University of Chicago Press.
- Turner S. P. (2007) Mirror Neurons and Practices: A Response to Lizaro. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 37, no 3, pp. 351–371.
- Turner S. P. (2014) *Understanding the Tacit*, New York: Routledge.
- Turner S. P. (2018) *Cognitive Science and the Social: A Primer*, New York: Routledge.
- Turner S. P. (2019) Verstehen Naturalized. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 49, no 4, pp. 243–264.
- Turner S. P. (2020) Habit is Thus the Enormous Flywheel of Society. *Habits: Pragmatist Approaches from Cognitive Science, Neuroscience, and Social Theory* (eds. F. Caruana., I. Testa), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 320–336.
- Vidal F., Ortega F. (2018) On the Neurodisciplines of Culture. *The Palgrave Handbook of Biology and Society* (eds. M. Meloni, J. Cromby, D. Fitzgerald, S. Lloyd), London: Palgrave Macmillan, pp. 371–390.
- Wittgenstein L. (2018) *Filosofskie issledovanija* [Philosophical Investigations], Moscow: AST.
- Yulina N. (2009) Superventnost' [Supervenience]. *Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science] (ed. I. Kasavin), Moscow: Kanon+, pp. 946–947.
- Zahle J. (2016) Methodological Holism in the Social Sciences. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/holism-social/> (accessed 12 February 2022).